

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-4-890-920>

Научная статья

Модель советской уголовно-правовой кодификации: методологические и юридико-технические особенности

Е.Н. Трикоз

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, г. Москва, Российская Федерация;
Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
 alena_trikoz@mail.ru

Аннотация. Исследован процесс теоретической подготовки и практического опыта создания первого советского уголовного кодекса – УК РСФСР 1922 г., столетие которого российское историко-правовое и криминологическое сообщество отмечает в этом году. Выявляется его особая значимость, юридическая доступность и частичная преемственность отдельных положений и конструкций. Автор анализирует также предшествующие проекты уголовно-правовой кодификации, научную доктрину (легистская и социологическая школы) и практику после Русской революции для последовательной систематизации путем принятия проектов по схеме: уложение/свод — руководящие начала — республиканский кодекс — союзные основы. Проведен обзор ключевых положений Общей и Особенной части республиканского УК 1922 г., выявлены их острая политическая направленность, классовый характер «нисходящей лестницы» наказаний, развитие понятия преступления от формального к материальному, концепция «потенциальной опасности» личности и применения аналогии закона, наряду с парадоксальной гуманизацией положений кодекса за счет закрепления в нем системы мер социальной защиты и мер, не связанных с лишением свободы, введения новых исключительных обстоятельств, ювенальной системы наказаний для несовершеннолетних, и др. В исследовании применены сравнительно-исторический, системно-структурный и функциональный методы, а также приемы технико-юридического анализа, догматического толкования и описания правовых событий и юридических процессов в конкретно-исторической обстановке советской России периода 1920-х гг.

Ключевые слова: революционное правосознание, социалистическая законность, советский легизм, целесообразность, кодификация, уголовное право, юридическая техника, проект закона, преступление, вина, репрессия, наказание, меры социальной защиты, опасная личность

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 20 сентября 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 октября 2022 г.

Для цитирования:

Трикоз Е.Н. Модель советской уголовно-правовой кодификации: методологические и юридико-технические особенности // *RUDN Journal of Law*. 2022. Т. 26. № 4. С. 890—920. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-4-890-920>

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-4-890-920>

Research Article

Model of the Soviet criminal law codification: methodological, legal and technical features

Elena N. Trikoz

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, *Moscow, Russian Federation*;
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), *Moscow, Russian Federation*
 alena_trikoz@mail.ru

Abstract. Researched process of theoretical preparation and practical experience in developing the first Soviet criminal code. It reveals the special significance, legal accessibility and partial continuity of certain provisions and constructions of the RSFSR Criminal Code of 1922, whose centenary is being celebrated this year by the Russian historical-legal and criminological community. The authors emphasize the advantages of legal codification projects, scientific doctrine (legalistic and sociological schools) and post-Russian Revolution law-enforcement practice for consistent codification by means of elaboration and adoption of drafts under the scheme: Code of Statutes / Code — Guiding principles — Republican code — basic Union code. The article analyzes the key provisions of the General and Special parts of the Republican Penal Code of 1922. It notes their keen political focus, class character of the penal system and their descending ladder, elaboration of crime from formal to substantive, the concept of potential danger and the analogy of law, paradoxical humanization by consolidating the system of social protection and non-custodial measures, new excluding circumstances, and juvenile system of penalties for minors. The research employs the system-structural, comparative-historical and functional methods, as well as special methods of technical and legal analysis, dogmatic interpretation and description of legal events and processes in specific historical circumstances of Soviet Russia in 1920s.

Key words: revolutionary sense of justice, socialistic lawfulness, Soviet legalism, expediency, codification, criminal law, legal technique, draft law, crime, guilt, repression, types of punishment, penalty, measures of social protection, dangerous personality

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Article received 20th September 2022

Article accepted 15th October 2022

For citation:

Trikoz, E.N. (2022) Model of the Soviet criminal law codification: methodological, legal and technical features. Trans. from Russian by E.E. Gulyaeva. *RUDN Journal of Law*. 26 (4), 890—920. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-4-890-920>

**Оформление доктрины кодификации
советского уголовного законодательства**

В первые годы существования советского государства оформление новой системы революционного законодательства представлялось в виде создания «Свода законов Российской революции», который должен был по своему назначению заменить «Свод законов Российской империи». Как отмечал П.И. Стучка, «старые законы, в том числе 16 томов Свода законов Российской империи, были брошены в костер революции»¹. Предполагалось, что создание нового Свода как универсального собрания действующего на определенную дату законодательства станет завершающим этапом многолетней полномасштабной систематизации права в стране. При этом пятая часть Свода должна была состоять из уголовных законов. Из дошедших до нас черновых набросков схемы «революционного Свода» в числе наиболее завершенных оказались именно разделы, посвященные уголовному праву и судоустройству. При их составлении работники Наркомата юстиции РСФСР брали за основу «Судебные уставы» 1864 г. и Уголовное уложение 1903 г. (Yashchuk, 2021:40).

Однако работа по составлению полного Свода законов советской республики не удовлетворила партийное руководство. Вместо выработки проектов новых советских законов и их кодификаций все усилия сводились на первых порах в основном к «ремонту» старых. Поэтому была предложена новая схема проведения масштабной систематизации советского права, в том числе уголовного законодательства: составление систематического собрания действующего законодательства; принятие отраслевых кодексов и проведение генеральной кодификации; регулярное обновление «Юридической картотеки», с целью поддержания советского законодательства в актуальном режиме.

В декабре 1917 г. Наркомат юстиции РСФСР, возглавляемый левым эсером И.З. Штейнбергом, получившим юридическое образование в Гейдельбергском университете Германии, объявил о разработке проекта *Советского уголовного уложения*. Его предполагалось создавать как документ, отражающий политику преемственности, и своего рода переходный нормативный акт между уголовным законодательством Российской империи и РСФСР (Shchelkogenova, 2016: 127—135). В марте 1918 г. был готов проект Советского уложения, в котором удалось кодифицировать все «не отмененные революцией» статьи Уголовного уложения 1903 г.² Совпадало около 200 статей из 380 статей Советского уложения 1918 г., а также вошли положения из декретов конца 1917 — начала 1918 г. Параллельно была разработана и разослана на места отдельная «Инструкция

¹ Стучка П.И. Годовщина первого декрета // Газета «Правда». 1918. 07 декабря.

² Новое уголовное уложение // Известия ВЦИК. 1918. № 73. С. 5.

местным и окружным народным судьям о применении уголовных законов» (Tokareva, 2019:154—160).

Однако в связи с началом Гражданской войны (май 1918 — октябрь 1922 гг.) и сменой летом 1918 г. руководства в Наркомате юстиции РСФСР на большевистских лидеров сначала во главе с П.И. Стучкой, а затем с Д.И. Курским стал очевиден радикальный отказ от всего «царского уголовного права», хотя вплоть до 30 ноября 1918 г. сфера уголовного права регулировалась Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. На территории Латвии, Литвы и Эстонии продолжало действовать полностью Уголовное уложение 1903 г. (Kuznetsova & Tyazhkova, 2002:21).

Поэтому новая рабочая группа должна была приступить к разработке проекта советского кодекса в духе «социалистического правосознания» и «революционной законности». Напомним, что Декрет от 30 ноября 1918 г. «О народном суде РСФСР (положение)» прямо обязывал руководствоваться «социалистическим правосознанием» в случае отсутствия или неполноты советских законов³. В тот период в «Известиях ВЦИК» стали критически разбирать случаи реализации «революционного правосознания» на местах в условиях Гражданской войны, «милитаризованного правосудия» и «разрушительной революционной самодеятельности» в судебных органах, в связи с чем развернулась дискуссия о сущности «революционной законности» и ее отражении в кодификационных актах советской власти (Abdurakhmanova, 2008:20—25).

В.И. Ульянов (Ленин) сформулировал «определение основных принципов и стадий законодательного процесса, требований, предъявляемых структуре, форме и языку нормативных актов» (Kerimov, 1995). По мнению И.И. Ерманова, «юридические познания... позволили В.И. Ленину... заложить основы советского законодательства» (Erkanov, 1969:172). Уже весной 1918 г. в ходе совещания с ответственными работниками Наркомюста, которых Ленин лично пригласил к себе для назревшей беседы, он обсуждал вопросы о том, «1) что именно сделано для издания Собрания Узаконений и Распоряжений; и 2) — для *кодификации*...» (Lenin, 1970:59). В работе «Государство и революция» он также обратил внимание, что без «своей» новой системы права пролетарское государство не сможет надлежаще выполнять свое социальное назначение. Ставка была сделана на повышенную юридическую силу позитивистских кодексов, которые смогут на длительное время определить уголовно-правовую политику молодого государства и обеспечить посредством своих юридико-технических средств устойчивость политической системы советского строя (Kozlovsky, 1918:21—28).

В целом, выбор большевиками кодификации как приоритетной формы систематизации объясняется ее ассоциацией с революционным преобразованием права, инновациями в праве и правотворческой составляющей, которая является главной в такой форме систематизации (Hazard, 1948:32—44). Поэтому первоочередной задачей становилась частичная, отраслевая и затем всеобщая кодификация, после которой более целесообразно переходить к предметной инкорпорации (Yashchuk, 2021:15).

³ Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

Отраслевые кодексы должны были соответствовать *политической доктрине кодификации*, которая начала оформляться под пристальным вниманием и с непосредственным участием В.И. Ульянова. Он пытался не допустить «деполитизации уголовного права» в его кодифицированной форме и размывания концептуальной целостности политической доктрины большевиков, положенной в основу первых советских кодексов. Создавался уникальный феномен советского «двухэтажного права», когда наряду с официальной юридической системой складывалось «высшее право» партии большевиков (Alekseev, 1999:499, 509).

В период ожесточенной классовой борьбы и начала Гражданской войны кодифицированное оформление новой отрасли советского уголовного права было ускорено развитием «революционного правосознания» и марксистско-ленинского понимания права (Stuchka, 1923:38—39). В эти годы советская уголовно-правовая теория основывалась на нормативистском (легистском) правопонимании, идеи которого были закреплены в трудах М.А. Рейснера, П.И. Стучки, М.С. Строговича и др., с акцентом на «революционное правосознание» как переходный тип от буржуазного к советскому юридическому мировоззрению (Reisner, 1925).

Нормативной базой первой волны отраслевой кодификации стали Конституция РСФСР от 10 июля 1918 г. и постановление VI Всероссийского съезда Советов, признавшего факт формирования основ законов Российской Федерации (Kursky, 1919:23—39). На протяжении первых двух лет вплоть до принятия Руководящих начал 1919 г. сохранялось действие принципов «классической школы» уголовного права. Но тем не менее в качестве доктринального проекта и уголовно-правового памятника, кодифицировавшего прежние достижения отечественной уголовно-правовой мысли, оставалось «Советское уголовное уложение» 1918 г. (Gracheva, Malikov & Chuchayev, 2015). По мнению английского историка Э. Карра, после революции в советской России происходит конфликт между принципами преемственности и изменений: «чем больше времени проходит после революции, тем сильнее действует принцип преемственности» (Carr, 1964:3—5). Как раз именно кодификация традиционно направлена на обеспечение преемственности права, его стабильности, упорядоченности и системности (Rakhmanina, 2005:13). Поэтому на ранних этапах советское уголовное законодательство характеризовалось сочетанием преемственности и революционности, переводом на классовые рельсы интерпретации уголовно-правовых заимствований отдельных категорий, теорий и доктрин дореволюционной России (Borisova, 2011:100—115).

Частичная уголовно-правовая кодификация в «Руководящих началах» 1919 г.

Второй и на этот раз более успешной попыткой считается частичная кодификация в виде «*Руководящих начал по уголовному праву*», утвержденных постановлением Наркомюста РСФСР 12 декабря 1919 г.⁴ Они были разработаны при

⁴ Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

участии таких крупных правоведов и криминалистов, как П.И. Стучка, М.Ю. Козловский, Д.И. Курский, П.А. Красиков, Л.А. Соврасов, Н.А. Черлюнчакевич и др. (Shishov, 1980:87—88). Как показывает сравнительный анализ работ М.Ю. Козловского (Kozlovsky, 1918:21—28) и собственно текста «Руководящих начал», многие положения совпадают (например, в преамбуле и определении целей наказания) (Okuneva, 2016:121). В доктринальном плане этот документ был основан на большевистской интерпретации легалистского правопонимания, социологической школе уголовного права и отчасти психологической теории права (Skorobogatov & Rybushkin, 2018:169—170).

Это был первый опыт введения в действие кодифицированной Общей части советского уголовного права. При этом «Руководящие начала» были призваны действовать в качестве не рекомендательного, а именно обязательного акта на территории всей Республики как для граждан, так и для иностранцев, применялись в качестве нормативных основ уголовного законодательства, определяя для советских судей вектор правоприменительной деятельности и закладывая принципы и идеологические рамки судейского толкования (на уровне народных судов, революционных и военных трибуналов).

В этот период проект Особенной части не был еще готов, и его разработка продолжалась в актах текущего законодательства об отдельных составах преступлений (Solomon, 1981:9—43), когда уже на местах начинали применять «Руководящие начала». Параллельно отдельные составы новых преступлений, выявленные в ходе судебно-следственной практики, постепенно подвергались криминализации в декретах советской власти⁵.

В структурно-системном плане «Руководящие начала» представляли собой миникодекс из 27 статей (пунктов), который распадается на преамбулу (идеологизированное введение с постановкой задач советской уголовной политики и функций «пролетарского уголовного права») и восемь тематических глав с институтами Общей части. В первой и второй главах «Об уголовном праве» и «Об уголовном правосудии» подчеркивалась репрессивная функция советского уголовного права, осуществляемая народными судами и революционными трибуналами в РСФСР и за ее пределами по принципу экстерриториальности, независимо от того, на какой территории было совершено преступление (ст. 27). В главе третьей «О преступлении и наказании» (ст. 5—16) содержались формальное определение преступления в классовом обществе, как нарушающего порядок общественных отношений деяния, посягающего на основы общественной безопасности; понятие же наказания представлялось как оборонительная мера принудительного воздействия с целью социальной изоляции преступника, приспособления его к советскому порядку или же физического уничтожения, но без признаков истязания или мучений. «Руководящие начала» впервые вводят в советское уголовное право нормы-дефиниции о наказании, оперируя при этом этико-гуманистическими формулировками (Urogov, 2016:71).

⁵ В частности, Декреты СНК о борьбе со взяточничеством от 08.05.1918 и 16.08.1921, Постановление НКЮ, НКТ и ВЧК о трудовом дезертирстве от 29.01.1921, Декрет ВЦИК и СНК о борьбе с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями от 01.06.1921, Постановление СНК о ложных доносах от 24.11.1921, о борьбе с контрабандой от 08.12.1921.

С юридико-технической точки зрения в тексте заметна фрагментарность, местами излишняя детализированность и даже казуистичность. Так, например, в ст. 12 «Руководящих начал» перечислены сразу несколько однотипных состояний психики субъекта преступления: «обдуманное намерение, жестокость, злоба, коварство, хитрость...», а в ст. 19 налицо лексическая избыточность в определении приготовления к преступлению: «приискание, приобретение или приспособление». В других местах кодекс, напротив, содержит абстрактные или излишне каучуковые положения (начиная с определения понятия «советское уголовное право» в ст. 3), открывая простор для широкой дискреции судей на местах (Gertsenzon, 1938:8—12).

Руководствуясь гуманными соображениями и принципом персональной вины, законодатель закрепил запрет на применение уголовных наказаний к малолетним до 14 лет и душевнобольным, которым назначались вместо этого воспитательные меры (приспособления) или лечебные меры и меры предосторожности. В главах четвертой «О стадиях совершения преступления» (ст. 17—20) и пятой «О соучастии» (ст. 21—24) законодатель хотя и выделил стадии приготовления, покушения и оконченности, но отошел от классической школы уголовного права в определении наказания, установив одинаковую меру репрессии вне зависимости от стадии осуществления преступного намерения и степени участия (исполнитель, подстрекатель, пособник, но ни слова об организаторе) в деяниях, совершаемых группой лиц («шайкой, бандой, толпой»). В главе шестой «Виды наказания» (всего из одной статьи 25) было включено наряду с довольно многоуровневой системой из 17 «примерных видов наказания» (от внушения до расстрела) гуманное и одновременно популистское примечание о том, что «народные суды не применяют смертной казни». Постановлением ВЦИК и СНК от 17.01.1920 было отменено применение высшей меры наказания в виде расстрела «по отношению к врагам советской власти», в связи с «разгромом вооруженных сил контрреволюции» и сложением полномочий адмиралом А.В. Колчаком в качестве «верховного правителя белой России». Наконец, в главе седьмой «Об условном осуждении» (ст. 26) вводился новый институт отложенного приведения в исполнение вынесенного обвинительного приговора, вплоть «до совершения осужденным тождественного или однородного с совершенным деяния».

По справедливой оценке Т.Ф. Яшук, «Руководящие начала» 1919 г. имели «не теоретический, а сугубо прикладной характер, поскольку представляли собой инструкцию, предназначенную к применению подведомственными судебными учреждениями» (Yashchuk, 2021:12). При этом перечень наказаний в «Руководящих началах» был примерным, что свидетельствовало об отсутствии принципа определенности при закреплении системы наказаний и открывало простор для судейской дискреции на местах (Melyukhanova, 2016:73—88).

Разработка проекта Уголовного кодекса РСФСР в 1920—1922 гг.

Важное идеологическое значение в контексте уголовно-правового развития получили решения 11-й Всероссийской конференции РКП(б) 19—22 декабря 1921 г., которые придали статус «партийной директивы» развертыванию

широкой кодификационной работы (в частности, резолюция «Об очередных задачах партии в связи с восстановлением хозяйства»). «Строгая ответственность органов и агентов власти и граждан за нарушение созданных Советской властью законов и защищаемого ею порядка должны идти рядом с усилением гарантии личности и имущества граждан. Новые формы отношений, созданные в процессе революции и на почве проводимой властью экономполитики, должны получить свое выражение в законе и защиту в судебном порядке» (Resolution, 1922:14).

В эти годы правового строительства, контекстно обусловленного политикой военного коммунизма и восстановления послевоенной экономики, *теоретическая модель кодификации* периодически подвергалась пересмотру и корректировке как способ единообразного проведения в жизнь партийных директив по принципу «минимум формы, максимум классового существа» (Rybakov, 2017:59). «Руководящие начала» 1919 г., закреплявшие базовые положения, служили прикладным нормативным ориентиром для судебно-трибунальской практики и других нормативных актов (Kozachenko, 2019:3—34). Вектор развития уголовного законодательства, к которому приравнивалось советское уголовное право (легалистский понимание), определялся соображениями тактической политики выживания молодого государства и интересами государственной безопасности советской Республики, нежели стратегической уголовной политикой (Leonov, 2004).

Поменявшийся в условиях НЭПа послевоенный правопорядок, нацеленный на обеспечение экономической эффективности новой политико-правовой системы, потребовал разворота в сторону частичной рецепции традиционных юридических категорий и правовых институтов в процессе рекодификации уголовного законодательства под влиянием социологической школы права. В то же время для юридизации советского политического строя в теоретическую основу правопорядка были введены «общие политические требования к нормативному содержанию всех кодексов», которые были призваны своими правовыми характеристиками и принудительными средствами обеспечивать устойчивость советской государственности и режим «революционной законности» (Nikulin, 2021:25).

Такой подход отстаивал первый советский прокурор и нарком юстиции Д.И. Курский, который призывал рассматривать «революционную законность» как проект «новой системы права», складывающейся из ряда новых законов и реформирования старых актов, под постоянным партийным прокурорско-судебным контролем: это прежде всего «пролетарский суд, укрепленный государственным обвинением» и другие органы, «призванные блюсти начала революционной законности, в основу которой кладется строгая ответственность органов и агентов Советской власти и отдельных граждан за нарушение изданных советской властью законов» (Kursky, 1922:3).

В свете поставленных советской властью новых задач объявлялось проведение *непрерывной кодификации права* с целью «материализация доктринальных положений концепции «революционной законности», которые были бы закреплены в принятых кодексах» (Nikulin, 2021:24). Поэтому первые советские кодексы должны были оформить и закрепить многоуровневую систему и отраслевую структуру нового права, обеспечивая тем самым единство «карательно-

терапевтического режима» социалистической законности на всей территории советского государства. Они были также призваны упорядочить инновационные правоположения советской власти, продиктованные нередко политической целесообразностью и конъюнктурными потребностями, сделав их более оформленными и унифицированными по сравнению с первыми революционными актами советской власти (Danilchenko, 2017:182—184).

В свете сказанного дальнейшая кодификация уголовного законодательства, установление более четких оснований ответственности и конкретизации ее мер были объективно обусловлены в условиях провозглашения единства уголовно-карательной политики без характерного для нее ранее революционного аффекта и слепой классовой нетерпимости, а также в связи с усилением централизации государства и необходимости единообразной судебной практики (Solomon, 1980: 196—200).

Подготовка проекта Уголовного кодекса всегда велась в стенах Наркомата юстиции РСФСР. Однако в годы войны его профильный отдел кодификации с профессиональными юристами-пеналистами был расформирован по понятным причинам. Поэтому первые кодификационные проекты, разработанные в спешке, руками непрофессиональных партийцев, получались «сырыми», без учета правил легистики и законодательной стилистики, вследствие «недостаточности в то время *“красных сперанских”* — коммунистов-юристов, имевших сколько-нибудь серьезный опыт правотворческой работы» (Ushakov, 1967:126—131). От малограмотных работников правоохранительных и судебных органов из числа пролетариев и крестьян особых юридических навыков не ждали, половина из них вообще имели только начальное образование, поэтому от них требовалось лишь проявление «революционного правосознания и социалистической совести», принятие решений не на основе кодексов, которых власть не успела должным образом подготовить, а исходя из «революционной морали» и политической целесообразности (Cheltsov-Vebutov, 1924:54).

В послевоенный период с переходом к НЭПу потребовалось законодательное оформление правопорядка на основе уже обновленных принципов уголовной политики, общезначимости права, обязательности советских законов и обеспеченности государством прав и интересов трудящихся, что закрепляла новая тенденция постепенного перерастания «революционной законности» в законность социалистическую.

В этих условиях ускорилась работа по отраслевой систематизации уголовного законодательства, под прямым контролем Совнаркома РСФСР и Президиума ВЦИК. Летом 1920 г. коллегией Наркомюста была в целом утверждена общая схема проекта УК РСФСР с его пандектной (дуалистической) структурой. Эту «Схему преступных деяний по проекту нового Уголовного кодекса» представил правовед М.Ю. Козловский, и она состояла из семи разделов: «I. Преступления против Советской Республики. II. Преступления против организации производства и распределения. III. Нарушение постановлений, обеспечивающих правильное функционирование органов власти. IV. Должностные преступления. V. Преступления против жизни, здоровья и достоинства личности. VI. Против

порядка пользования имуществом. VII. Незаконное лишение свободы»⁶. В дальнейшем сам нарком Д.И. Курский занимался разработкой проекта Общей части УК 1922 г.

Как отмечал А.А. Герцензон, разработчики имели задачу подготовить своего рода модельный уголовно-правовой акт, который стал бы основой для разработки уголовных кодексов других союзных республик и «первым шагом на пути к общему для всех республик кодифицированному уголовному закону» (Gertsenzon, 1948:245—246). Подготовленный проект Наркомюста был передан на рассмотрение III Всероссийского съезда деятелей советской юстиции, принявших итоговое решение продолжить обсуждение текста кодекса в губернских отделах юстиции.

Параллельно был представлен общественности доктринальный научно-теоретический проект УК, подготовленный в конце 1921 г. учеными секции судебного права и криминалистики Института советского права. Кроме того, эксперты-криминологи Института также обсуждали наркомовский проект, потому что на секции в начале 1922 г. обсуждался доклад М.М. Исаева «Характеристика проекта УК, выработанного особой комиссией при Общеконсультационном отделе НКЮ»⁷.

Постатейное обсуждение наркомовского проекта УК продолжалось в течение всего 1921 года, и лишь в январе 1922 г. он был вынесен на рассмотрение IV Всероссийского съезда работников советской юстиции. Развернулась бурная дискуссия среди 5500 делегатов из 11 советских республик, которая показала, что кодекс нуждается в серьезной доработке. По итогам рабочая комиссия при Малом Совнаркоме из пяти человек обобщила и систематизировала все полученные замечания к текущей редакции и представила новый проект УК в марте 1922 г.

Как метафорично отозвался нарком юстиции Д.И. Курский о подготовленном проекте УК, отражавшем «кристаллизованное правосознание работников», ведущих «дело правосудия в Советской республике»: проделали «ту, поистине египетскую работу, которую, как, например, в области уголовного права, самостоятельно (без прецедентов и активного участия спецов) пришлось проделать за последние 2—3 месяца, когда приходилось заваленным канцелярской работой членам комиссии работать над законодательством буквально ночами» (Shvekov, 1970:15). В своей переписке с наркомом В.И. Ленин настаивал на применении расстрела как санкции за все контрреволюционные преступления и преступления против порядка управления, а также предложил авторскую формулировку статьи УК, в которой определил «*контрреволюционное преступление*» как пропаганду, агитацию, участие в организации или содействие ей путем интервенции или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы, либо другими средствами (Lenin, 1970b:189—190).

После внесения более сотни поправок и дополнений состоялось постатейное обсуждение проекта УК на третьей сессии ВЦИК IX созыва (12—20 мая 1922 г.), в ходе которого возобновилась острая теоретическая дискуссия и наметился раскол между его горячими сторонниками и теми, кто выступал в принципе против

⁶ Государственный архив РФ. Фонд А353 «Министерство юстиции РСФСР». Оп. 4. Д. 2. Л. 105.

⁷ Институт советского права // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 18. С. 12.

кодификации и за предоставление права судьям руководствоваться своим «революционным правосознанием» (Isaev, 1925a:95—96); более того, в самом проекте предлагалось перейти к системе «неопределенных приговоров», отказаться от закреплённой лестницы санкций, ввести т.н. «родовые» или ориентировочные составы преступлений, по сути легитимировав практику применения права по аналогии (Gertsenzon et al., 1948:259—260). Также было высказано мнение о необходимости исключения смертной казни из общего перечня мер наказания. В Президиуме ВЦИК для более согласованного редактирования кодекса было предложено разделить все включённые в него составы преступления на две большие группы: 1) преступления, направленные против общественных и экономических отношений, установленных Советской властью, и 2) преступления против пережитков дореволюционного строя, сохранение которых было необходимо в переходный период (Isaev, 1922:17—28; Isaev, 1924:25—36). Из проекта были исключены как не подлежащие криминализации административные проступки: превышение предельных норм скорости езды; появление в публичном месте в состоянии опьянения; курение табака в неразрешённых местах; самовольное пользование чужим имуществом без намерения присвоить.

Наконец, УК РСФСР, утверждённый 24 мая 1922 г. на пленарном заседании ВЦИК, в своей финальной редакции был опубликован и вступил в силу с 1 июня 1922 г.⁸

Политико-юридическая оценка институтов Общей части УК 1922 г.

Уголовный кодекс был построен по пандектной системе и состоял из Общей и Особенной частей, объединявших 227 статей. По верному замечанию Н.Ф. Кузнецовой, это был один из самых коротких уголовных кодексов во всей мировой истории (Kuznetsova & Tyazhkova, 2002:32). По прошествии трех лет его применения был издан авторитетный научно-практический комментарий с поистине звездным составом авторов — советских криминологов и пеналистов — М.Н. Гернет, М.М. Гродзинский, А.А. Жижиленко, Б.Н. Змиева, М.М. Исаев, П.И. Люблинский, С.П. Ордынский, Н.В. Рабинович, Н.А. Тарновский, А.Н. Трайнин (Gernet, 1914; Isaev, 1925; Isaev, 1927; Lyublinsky, 1915; Nabokov, 1910; Nemirovsky, 1916; Ordynsky, 1912; Polyansky, 1922), с приложением текста «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик» и комментированного «Положения о воинских преступлениях», а также построчного указателя юридической литературы и хронологического указателя всех изменений и дополнений⁹.

Вошедшие в этот авторский коллектив комментария к УК видные ученые-криминологи, получившие юридическое образование еще в дореволюционной России, а затем призванные создавать доктринальные и практические основы молодого советского права, были в основной своей массе приверженцами

⁸ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.)» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. №15. Ст. 153.

⁹ Уголовный кодекс: практический комментарий / под ред. М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина. С дополнениями и изменениями по 1 июня 1925 г. М., 1925.

популярной с начала XX в. *социологической школы* уголовного права. Напомним, что весной 1904 г. на собрании центрального бюро Международного союза криминалистов А. Принс (*Adolphe Prins*) ввел в оборот ключевое понятие данной школы — «опасное состояние преступника», требующее специальных мер принуждения для лиц в этом состоянии (Safronova & Loba, 2014:12). Другой теоретик этой школы, а также уголовно-антропологического направления, итальянский барон Р. Гарофало предложил понимать под «опасным состоянием» перманентную (постоянную) и имманентную (внутренне присущую) склонность человека к совершению преступлений (Garofalo, 1880). Отечественный юрист-криминолог А.А. Жижиленко, развивая позиции социологической школы, типологизировал «опасное состояние», разделив его на три категории: 1) лица, неоднократно учинившие определенные преступления, особенно важные; 2) неменяемые и не вполне вменяемые лица, учинившие важные посягательства; 3) лица, учинившие преступления, вызванные их тунеядством, распутством или склонностью к опьянению (Zhizhilenko, 1912:35—44).

Разработка проекта УК РСФСР в 1920—1922 гг. основывалась на доктринальных идеях социологической школы уголовного права (Berman, 1919; Trainin, 1914) и набравшего популярность среди большевиков учения о «социально опасной» личности (Stankevich, 1914). Из этой теории «опасного состояния» были впоследствии сконструированы такие известные советской доктрине и уголовному закону институты, как рецидив преступлений, судимость лица, принудительные меры медицинского характера, меры воспитательного воздействия и др. (Safronova & Loba, 2014:15).

Общая часть УК РСФСР 1922 г., охватывавшая почти четверть всех статей кодекса (главы I—V; ст. 1—56), в концентрированном виде отражала результаты пятилетней судебной-следственной практики и основы советской уголовной политики, со всей спецификой ее задач, методов и средств осуществления, а также новой системы охраняемых ценностей.

В Общей части были обозначены пространственно-временные пределы действий уголовного закона, в числе которых противоречивой была норма о действии обратной силы уголовного закона (ст. 23). Впервые в истории советского уголовного права было дано материальное понятие по своему содержанию и классовое по своей сути определение преступления: общественная опасность деяния, вина и наказуемость (ст. 6) (Piontkovsky, 1923). Признак противоправности (запрещенности уголовным законом) в конструкции понятия преступления отсутствовал, так как это Кодекс также впервые официально закрепил аналогию уголовного закона (ст. 10). Дело в том, что несмотря на все юридические риски и практические нюансы, аналогию допускали в условиях Гражданской войны и неопределенности в части возникающих новых видов преступлений в беспрецедентной ситуации существования социалистического государства (Lysenkov, 2016:29—36). Таким образом, санкционирование применения аналогии было направлено на возможности «классового толкования» Уголовного кодекса судьями на основе социалистического (пролетарского) правосознания в качестве мотивировочной основы назначаемого наказания, достаточно вольно трактуя кодекс с позиций мягкости или жесткости наказания в зависимости от классовой принадлежности.

В УК РСФСР были сформулированы две основные формы вины — умысел и небрежность, выделены стадии преступления, некоторые исключаящие обстоятельства, обозначены давностные сроки уголовного преследования, правила определения конкретной меры наказания среди различных родов и видов мер социальной защиты, а также порядок отбывания наказания. К слову, эта последняя глава, явно имевшая пенитенциарную природу, позднее перешла в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г.

Более четко и развернуто были обозначены задачи советского уголовного законодательства (Nemirovsky, 1925:1—46; 73—136). Так, важнейшей задачей УК 1922 г., в чем особо заметно влияние социологической школы уголовного права, была объявлена «правовая защита государства трудящихся от преступлений и от общественно опасных элементов», осуществляемая путем применения к «нарушителям революционного правопорядка» наказаний или других «мер социальной защиты» (ст. 5) (Piontkovsky, 1923:12—52). Далее, сообразно с позициями социологической школы, устанавливалось, что опасность лица «обнаруживается совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку» (ст. 7).

Закрепленная в кодексе уголовно-социологическая концепция была вызвана реальностью обострившегося социального противостояния, хотя в сравнении с итальянским УК 1921 г., считавшимся «иконой социологической школы» того времени и вообще не упоминавшим наказание, используя вместо него обобщающе нейтральный термин «санкции», советский законодатель занял более умеренную позицию: было сохранено отдельно уголовное наказание как особый вид «мер социальной защиты». При этом оба кодекса, как советский 1922 г., так и итальянский 1921 г., разработанный, к слову, виднейшими криминологами Э. Ферри, Р. Гарофало, Флорманом, Гриспиньи и др., не включили в текст отдельные статьи о вменяемости и об индивидуальной вине как основании ответственности, но рассматривали уголовную репрессию со ссылкой на состояние «опасности преступника».

По мнению дореволюционного адвоката и советского криминалиста Эммуила Яковлевича Немировского, терминологические особенности в этих двух сравниваемых кодексах, в виде отсутствия самого термина вменяемости и понятия индивидуальной вины, компенсировались детальным описанием этого психического состояния, хотя и без использования его дефиниции (в ст. 17 УК РСФСР 1922 г. и в главе V О привычных преступниках» УК Италии 1921 г.) (Nemirovsky, 1924:3—13). Текстуально понятие «невменяемость» в советском УК было выражено формулировкой, «почти тождественной с биологической формулой», с описанием психического состояния таких лиц, но сам термин указан не в материальном, а в процессуальном законе — в УПК РСФСР (ст. 200, 204, 325 и др.).

В отличие от «Руководящих начал» 1919 г. содержалась отдельная ст. 11 УК РСФСР с положениями о *виновной ответственности*. Так, неосторожность как форма вины предполагала действия субъекта, когда он не только мог, но и должен был предвидеть последствия своих действий, легкомысленно надеясь их предотвратить. Вероятно, законодатель частично использовал здесь

формулировку ст. 48 Уголовного уложения 1903 г., различая при определении умышленной формы вины прямой и эвентуальный умысел.

В своей обзорной статье прокурор Московской губернии А.Я. Эстрин сравнивал положения института покушения на преступление и форм соучастия в Уголовном уложении 1903 г., «Руководящих началах» 1919 г. и ст. УК РСФСР 1922 г. Так, по его мнению, ст. 13 УК содержит определенные улучшения в конструкции покушения по сравнению с соответствующей ст. 18 «Руководящих начал», которая не охватывала известной «группы несомненных покушений, когда выполнение преступления было начато, но остановилось на полпути по независящим ли обстоятельствам, или по собственному побуждению покушавшегося». Редакция ст. 13 Кодекса была шире и точнее, признавая покушением как случаи, когда преступник «не выполнил всего того, что было необходимо для приведения его намерения в исполнение», так и случаи, «когда, несмотря на выполнение им всего, что он считал необходимым, преступный результат не наступил по причинам, от него не зависящим». Уголовное уложение 1903 г. признавало добровольно оставленное покушение ненаказуемым, а Кодекс 1922 г. устанавливал в ст. 14, что «покушение, не доведенное до конца по собственному побуждению покушавшегося, карается как-то преступление, которое фактически им совершено», т. е. «карается лишь в том случае, если в совершенном деянии налицо состав какого-либо иного оконченного преступления» (Estrin, 1922:2—3).

Далее, в конструкции института соучастия в преступлении заметно сокращение содержания дефиниции «пособничество» в ч. 3 ст. 16 УК РСФСР по сравнению со ст. 24 «Руководящих начал». Попуститель как особый соучастник совершенно неизвестен Общей части УК, но в отношении важнейших контрреволюционных преступлений этот пробел восполняла ст. 89 УК: «недоснесение о достоверно известных предстоящих совершенных преступлениях, предусмотренных статьями 58—66 УК, карается лишением свободы на срок до одного года». В других случаях характер попустительства могло быть признано за случаями бездействия со стороны должностного лица, что приравнивалось к бездействию власти, предусмотренному в ст. 107 УК.

Институт «необходимой обороны» в ст. 19 УК РСФСР был сформулирован шире, чем в ст. 15 «Руководящих начал», так как допускал такое обстоятельство против «незаконного посягательства на личность или права» не только обороняющегося, но и других лиц. Понятие «крайней необходимости» в ст. 20 Кодекса оказалось новеллой, по сравнению с отсутствием этого обстоятельства в «Руководящих началах».

Советский УК, следуя за сложившейся типологией в уголовно-правовой доктрине и в итальянском УК 1921 г., различал два вида «опасного состояния» личности — патологическое и непатологического характера. Так, итальянский кодекс обозначал их как «врожденную дефективность» и «приобретенную склонность к преступлению». К тому же итальянцы (проект 1921 г.), как и отдельные страны Британской империи, практиковали категорию «неопределенных приговоров» для случаев наиболее тяжких преступлений при «закоренелой привычке к преступлению». Советский же УК 1922 г. отказался от неопределенных

приговоров и установил максимум меры наказания в зависимости от опасности личности и самого совершенного деяния. В частности, был закреплен максимальный 10-летний срок лишения свободы за неквалифицированное умышленное убийство или 2-летний срок наказания за оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни положении, при наличии обязанности заботы о нем.

Институт наказания отличался от других «мер социальной защиты» своим специфическим характером, объединяя известные уже к тому времени в уголовно-правовой доктрине и зарубежном законодательстве меры противодействия преступности, начиная от внушения и общественного порицания и вплоть до тюремного заключения со строгой изоляцией и смертной казни (расстрел). Новеллой, позаимствованной, вероятно, из итальянского УК 1921 г., стал такой вид наказания, как «принудительные работы без содержания под стражей». Выстроенная в УК 1922 г. иерархическая система наказаний, включавшая помимо вышеуказанных также изгнание из пределов РСФСР, запрет на занятие должности, денежный штраф и необычный вид наказания — «принудительное изучение курса политграммоты», учитывала при их распределении на «лестнице наказаний» как степень тяжести и характер совершенного преступления, так и степень «социальной опасности» самого преступника (Estrin, 1927).

Очевидно, что разработчики советского УК пошли по пути дореволюционной системы наказаний в Уголовном уложении 1903 г., где содержалась «нисходящая лестница» от более строгого к менее строгому наказанию. По сравнению с «Руководящими началами» 1919 г., где законодатель посчитал более предпочтительным при построении системы наказаний применить восходящий принцип, чтобы при назначении наказания суд мог руководствоваться кодифицированной системой, рассматривая сначала возможность назначения наименее строгой санкции и далее при невозможности ее применения последовательно переходя к более строгим видам. Сложившаяся в советском законодательстве система наказаний, по мнению А.А. Жижиленко, отличалась следующими признаками: экономия карательных средств, индивидуализация наказания и привлечение общества к делу борьбы с преступностью (Zhizhilenko, 1923:63—71).

В УК 1922 г. был более точно отражен принцип формально-юридической определенности при описании системы наказаний, тогда как ранее в «Руководящих началах» содержался лишь примерный (по сути, открытый для усмотрения судей) перечень. Как пояснял этот момент М.Н. Гернет, кодекс придерживался системы относительно определенных наказаний, указывая точный род наказания и устанавливая «тот максимум, который судьи не должны превышать, или тот минимум, который они не должны понижать» (Gernet, 1922:69).

Новаторской для всех предшествующих актов советской власти стала ст. 49 УК РСФСР, которая позволяла наказывать «социально опасных элементов», хотя бы даже не совершавших на данный момент никаких преступных деяний, но которые были в прошлом преступниками или поддерживают связь с преступниками или преступными сообществами.

Если сопоставить российский УК 1922 г. с принятыми в скором времени «Основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» в редакции 1924 г., то союзный кодекс в принципе отказался от термина

«наказание», заменив его полностью на «меры социальной защиты» (меры судебно-исправительного, медицинского и медико-педагогического характера), из числа которых «наказанием» в собственном уголовно-правовом смысле являлись лишь меры судебно-исправительного характера (Zhizhilenko, 1911).

Видимо, сам термин «наказание» был признан на этом этапе неприемлемым для социалистического правосознания, так как доктринально и идеологически связывался с представлением о «возмездии», а не репрессии или уголовной кары, как более понятными для уголовно-правовой идеологии советского периода (Noy, 1973:12). По словам советского юриста А. Эстрина, в этом отказе можно было увидеть окончательный отрыв советского уголовно-правовой доктрины и практики от прежних, дореволюционных, проникнутых фетишизмом юридических категорий и построений, с содержащимися в них критериями применения уголовной репрессии (Estrin, 1927:83).

Под идеологическим и нормативным влиянием союзных «Основных начал» 1924 г. была проведена частичная рекодификации и новеллизация УК РСФСР, и в своей обновленной редакции 1926 г. он уже проводил более четкое разграничение между собственно «наказанием» и иными «мерами социальной защиты» (медицинского и медико-педагогического характера). Так, согласно обновленной ст. 7 УК, в качестве основания их применения указывалось не только совершение преступления как общественно опасного деяния, но и состояние «опасности лица», связанное с преступной средой или в силу его прошлой деятельности. Еще в 1924 г. УК был дополнен двумя новыми мерами социальной защиты: 1) лишение родительских прав, и 2) отдача несовершеннолетнего на поруки родителям, родственникам или другим лицам при условии всестороннего ознакомления суда с образом жизни и личностью поручителя (ст. 46) (Bagriy-Shakhmatov, 1969:18).

Относительно обновления самого перечня наказаний в УК РСФСР, которых в ст. 32 было перечислено ровно 10 видов, отметим, что из него были исключены три санкции, практиковавшихся в судебно-карательной политике периода Гражданской войны, а именно: объявление врагом революции или народа, объявление вне закона и объявление под бойкотом. Вместе с тем УК был дополнен такими новыми видами наказаний, как изгнание из пределов страны и денежный штраф. Кроме того, в отличие от «Руководящих начал» 1919 г., предусматривавших в общем перечне наказаний также расстрел, здесь смертная казнь не была включена в этот перечень, получив закрепление в отдельной статье 33 Кодекса как временная мера, которая будет вскоре отменена. В качестве санкции расстрел предусматривался за преступления почти в двадцати статьях УК 1922 г., более половины из которых носили контрреволюционный характер. М.Н. Гернет называл такую сложившуюся систему «одинадцатью ступенями лестницы наказаний» (Gernet, 1922:65).

Концептуальным недостатком Общей части УК РСФСР 1922 г. можно считать политико-идеологическое влияние принципов классовой борьбы и целесообразности репрессии, а также противоречивое сочетание идей нормативистский, социологической и антропологической школ уголовного права. Законодательно так и не удалось логически последовательно объединить в Кодексе противоположные походы к основанию уголовной ответственности, наказанию

и мерам социальной защиты. Спустя несколько лет применения УК РСФСР и союзных «Основных начал» станет очевидным тот факт, что ригоричный отказ от термина «наказание» был ошибочным (Shargorodsky, 1958:19), а введение в закон расплывчатой формулировки «меры социальной защиты» вместе с понятием «опасного состояния» с его размытыми критериями и в совокупности с принципом аналогии закона привели на практике к довольно грубым нарушениям социалистической законности, судебному произволу и забвению формально-юридических оснований ответственности. Окончательно идеи социологической уголовно-правовой школы и концепции «опасного состояния» уходят из советского дискурса только в 1930-е гг. (Okuneva, 2016:120).

Юридико-техническая характеристика Особенной части УК 1922 г.

Особенная часть УК РСФСР 1922 г. объединила восемь глав (ст. 57—227), в которых были систематизированы отдельные виды преступлений по предмету посягательства и общественной опасности, четко зафиксировав приоритеты уголовно-карательной политики во главе с государственными преступлениями.

Напомним, что первоначально Особенная часть в проекте Наркомюста 1921 г. строилась по методу «родовых составов» (ориентировочных преступлений) и общих формул преступных деяний. В основе этого подхода лежало, по сути, реакционное воззрение социологической уголовно-правовой школы на Особенную часть как «устаревшую и антинаучную часть закона, нуждающуюся, как минимум, в решительном сокращении и обобщении составов» (Gertsenzon et al., 1948:259). Эти идеи противоречили принципу социалистической законности и формального определения конкретных составов преступлений, поэтому УК РСФСР был построен на основе точных и достаточно систематических положений Особенной части.

При составлении этой специальной части Уголовного кодекса был творчески переработано все накопленное за пять лет советской власти уголовное законодательство и судебно-следственный опыт по борьбе с преступностью. Специфическим примером отражения в кодексе «социалистической законности» и «духа советского закона» был политически ангажированный подход к самой систематике Особенной части и конструирование политических составов. Идея «революционной целесообразности» проявилась в установлении санкций непосредственно против политических противников советской власти, что нашло закрепление в ст. 27 УК, выделившей две категории преступлений: «а) направленные против установленных рабоче-крестьянской властью *основ нового порядка или признаваемые ею наиболее опасными*, по которым определенный Кодексом *низший предел наказания* не подлежит понижению судом; и б) все остальные преступления, по которым установлен высший предел определяемого суду наказания».

Однако это двучленное деление преступлений в Общей части УК не нашло затем прямого отражения в структуре его Особенной части. Хотя этот подход контекстно подразумевался, поскольку был связан с характером строения санкции, производной от степени опасности преступного деяния. На практике такое

деление преступлений по признаку санкции «не ниже определенного размера» нередко приводило к тому, что квалифицированный состав преступления относился к одной категории преступлений, а его же простой вид (основной состав) уже к другой группе, в которой санкция была установлена по формуле «до такого-то предела». Например, санкцию с указанием «нижнего предела лишения свободы» содержали нормы, криминализирующие повторный или упорный неплатеж налогов либо уклонение от повинностей (ст. 79), сопротивление власти без отягчающих обстоятельств (ч. 2 ст. 86), оскорбление представителей власти (ст. 88), самовольное присвоение власти должностного лица (ст. 91), похищение документов (ст. 92), освобождение и побег арестованного (ст. 94 и 95). С учетом этой проблемы Верховный суд РСФСР в директивном письме № 1 1925 г. решил уточнить по сравнению со ст. 27 УК эту двухчленную классификацию преступлений, избегая расплывчатой формулировки по тексту уголовного закона о посягательствах на «новый правовой порядок» и предписав всем судам на местах различать две основные группы деяний следующим образом: те преступления, которые угрожают самим *основам советского строя* (прежде всего контрреволюционные преступления, шпионаж, бандитизм, корсетные хозяйственные и должностные преступления с тяжкими для государства последствиями); и все остальные преступления (Gertsenzon et al., 1948:253—254).

Глава I Особенной части УК, посвященная ответственности за государственные преступления, распадается на два подраздела о контрреволюционных преступлениях (ст. 57—73) и преступлениях против порядка управления (ст. 74—104). Отметим, что центральная норма этой подгруппы в статье 57 УК содержала норму-дефиницию «*контрреволюционного преступления*», выступая вспомогательным средством при применении судами аналогии закона в случаях деяний, прямо не охватываемых статьями кодекса, а также при истолковании в судебной практике самого термина «контрреволюционный». Дефиниция в ст. 57 почти дословно воспроизводила ленинскую формулировку этого состава, заимствованную из его переписки с наркомом юстиции Д.В. Курским (письмо В.И. Ленина от 17 мая 1922 г.) (Lenin, 1970b:190—191). В соответствии с этим определением не требовалось действительного наступления указанных в нем последствий (так называемый усеченный состав), а достаточно было лишь умышленной направленности таких действий на результаты в виде: «*свержения завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских советов и существующего на основании Конституции РСФСР. рабоче-крестьянского правительства*», либо же оказания «*помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п. средствами*»). Новелла в ч. 2 ст. 57 закрепляла состав покушения на «*на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции*», при котором достаточным считалось не прямое намерение, а всего лишь эвентуальный умысел, т.е. заведомое осознание лицом контрреволюционности своего деяния, хотя бы изначально у него была сугубо личная или иная цель.

В последующих статьях УК разграничивались три категории государственных преступлений в виде политической, экономической и изменнической

контрреволюции (Zhizhilenko, 1925:61—72). Так, статьи 58 и 59 УК криминализовали мятеж (или бунт) и измену, а статьи 60, 61 и 62 наказывали за участие в контрреволюционных сообществах как действующих преступных организациях. В ст. 64 предусматривалась санкция за приготовительные действия в контрреволюционных целях, а также участие в выполнении террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных организаций (компартии, профсоюзов и др.). Еще более широкое определение контрреволюционного преступления, с выделением из него 14 различных составов, было дано в «Положении о государственных (контрреволюционных) и особо опасных преступлениях против порядка управления», принятом постановлением ЦИК СССР в феврале 1927 г. Из всех дополнивших основной состав в ст. 58 УК с индексом контрреволюционных деяний только одно из них (ст. 58—12) не влекло «высшей меры социальной защиты». Ряд положений обновленной статьи 58 УК были направлены на подавление и пресечение любых форм «антисоветизма», например, ст. 58—10 о пропаганде и агитации с призывами к свержению, подрыву или ослаблению советской власти. Недонесение о достоверно известных предстоящих и совершенных контрреволюционных преступлениях влекло наказание по отдельной ст. 89 УК, как преступление против порядка управления (Trainin, 1927:36—46).

В подгруппу обычных «преступлений против порядка управления» были включены массовые беспорядки (погромы, поджоги, разрушение путей и средств сообщения, освобождение арестованных), в которых приняло участие неопределенно большое число лиц с использованием вооружения; публичное оскорбление представителя власти; похищение, повреждение или уничтожение документов из госучреждений в целях препятствования их функционированию; самовольное присвоение власти; подделка денег, мандатов, удостоверений; посягательство на доходы и имущественные интересы казны; контрабанда; самоуправство и др. (Ordynsky, 1924).

Глава II УК о должностных (служебных) преступлениях (ст. 105—118) закрепляла третью по значимости и степени опасности категорию деяний с особым субъектом их совершения — «должностным лицом» (ст. 109), в качестве которого выступали постоянные или временные работники советского аппарата, занимающие свои должности по назначению или выборам (Estrin, 1928:32—33). Они могли быть привлечены как за взяточничество, растрату казенных денег или служебный подлог, так и за дискредитацию власти, злоупотребление или превышение власти, бездействие власти или халатное отношение к власти. К слову, за квалифицированные виды взяточничества предусматривалось лишение свободы на срок не ниже трех лет, а при особо отягчающих обстоятельствах — расстрел с конфискацией имущества (ст. 114 и 114-а УК). К категории должностных преступлений примыкали две специальные нормы об ответственности сотрудников правоохранительной системы в случае совершения ими незаконного задержания, привода, принуждения к даче показаний, а также вынесения судьями и народными заседателями из корыстных или иных личных побуждений неправосудного приговора. Это последнее преступление, повлекшее за собой особо тяжкие последствия, могло быть наказано вплоть до смертной казни (Krakovsky, 2020:158—159).

В отдельной Главе III УК были систематизированы все уголовно-правовые нормы за нарушение правил об отделении церкви от государства (ст. 119—125), включая преподавание несовершеннолетним религиозных вероучений в учебных заведениях и школах, совершение религиозных обрядов, принудительное взимание сборов в пользу церковных и религиозных организаций. Помимо этого только на Украине дополнительно были введены составы по статьям 125-3 и 125-4 УК о непредставлении сведений или отчетов об имуществе, предназначенном для религиозного культа или религиозных целей, либо сокрытие церковного имущества, сданного по договору верующим.

Разнообразные составы хозяйственных преступлений, кодифицированные в нормах Главы IV УК (ст. 126—141), различались в зависимости от степени причинения вреда государственному хозяйству неправильным или корыстным ведением дел (например, бесхозяйственность как особый состав, заключение убыточных договоров), либо в связи с нарушением обязанностей граждан (например, трудовое дезертирство), правил внешней и внутренней торговли, государственных монополий, акцизных сборов, норм об охране труда и др. Особо был выделен состав спекуляции с иностранной валютой и искусственное повышение цен на товары (ст. 137 и 138 УК). Квалифицирующим признаком состава «спекуляция» признавался сговор с целью повышения цен, злостный невыпуск товаров на рынок, скупка или сбыт запрещенных товаров. Из основного состава спекуляции выделились такие новые составы, как контрабанда, нарушение торговых монополий, фальсификация товаров, ростовщичество.

Новая редакция УК РСФСР 1926 г., принятая в связи с введением в действие «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» 1924 г. и в целях исправления выявленных на практике уголовно-правовых пробелов и конструктивных недостатков в редакции 1922 г., наибольшие изменения претерпевают главы о государственных и воинских преступлениях, а также глава о преступлениях против порядка управления. По подсчетам О.И. Чердакова, если эти «управленческие преступления» в УК 1922 г. занимали всего 30 статей, то в УК редакции 1926 г. их число возросло до 60 статей (ст. 59—108), из которых 14 были перенесены из главы о хозяйственных преступлениях (Cherdakov, 2002:201).

Важное место в Особой части занимала Глава V УК «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» (ст. 142—179). Все эти составы были поделены на десять видов, в число которых не вошло несколько составов, ранее предложенных к криминализации в проекте УК Наркомюста 1921 г. (содействие самоубийству, незаконное лишение свободы, ложный донос, угрозы и лжесвидетельство, преступлениями в области половой нравственности) (Gertsenzon et al., 1948:293—294).

Анализируя составы в Отделении 4 «Преступления в области половых отношений» рассматриваемой Главы V, можно заметить, что «нарушение половой неприкосновенности» не было обязательным признаком для всех уголовных деликтов. Так, например, принуждение к проституции признавалось оконченным, хотя бы принуждаемая еще не совершила ни одного акта проституции. Далее сводничество, или вербовка женщин для проституции, не обязательно должны

были в действительности привести к предполагаемому результату (Gertsenzon et al., 1948:273).

Глава V была впоследствии дополнена ранее ненаказуемыми деяниями, в частности, изготовление, хранение и сбыт одурманивающих веществ; понуждение к половой связи женщины, находящейся в материальной или иной зависимости; неплатеж алиментов и оставление без поддержки детей. Так как родительские обязанности считались важнейшими для советского гражданина, то злостное их невыполнение были признаны не только аморальным и гражданским проступком, но и общественно опасным деянием. Поэтому преступлением признавался злостный неплатеж алиментов не только родителями, но и всеми лицами, кто был обязан их уплачивать согласно КЗоАС 1918 г. (ст. 107, 141, 143, 161, 163, 172, 173)¹⁰, а также наказывалось вообще всякое «сложение с себя забот об их воспитании и подготовке к полезной деятельности»¹¹.

В 1924—1925 гг. УК РСФСР был дополнен новой Главой IX «Бытовые преступления», со специфическими нормами, карающими за опасные деяния в виде пережитков родового быта (похищение женщин, калым, принуждение к браку, брак с малолетним ребенком и др.) (Durmanov, 1938).

Глава VII «Воинские преступления» (ст. 200—214) объединяла деяния, направленные «против установленного законом порядка несения военной службы и выполнения вооруженными силами республики своего назначения». Развитие советского военно-уголовного законодательства, введение категории должностного лица в военной иерархии и выделение норм международного гуманитарного права лежали в основе этих новых составов (Zhizhilenko, 1924:2—3). Советское правительство присоединилось частично в 1918 г., а затем полностью с 1925 г. к «Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных» 1906 г., «Гаагской конвенции о законах и обычаях войны» 1907 г., к международным конвенциям о Красном кресте, и целому ряду иных международных документов¹². В частности, на основании «Гаагской конвенции» 1907 г. и «Женевской конвенции об обращении с военнопленными» 1929 г. все военнопленные подлежали советской уголовной юрисдикции. Были криминализованы составы неисполнения или сопротивления исполнению законного военного приказа (ст. 202 и 203), в том числе в боевой обстановке; побег, уклонение и самовольная отлучка военнослужащего (ст. 204—206), военный шпионаж (ст. 213) и мародерство (ст. 214).

Последнее преступление — мародерство* предполагало «противозаконное отобрание при боевой обстановке у гражданского населения принадлежащего

¹⁰ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 22.10.1918 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. М., 1942. С. 1045—1074.

¹¹ Объяснительная записка к изменениям и дополнениям Уголовного кодекса РСФСР // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 35—36.

¹² Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. Отдел второй. 1926. № 38. Ст. 226.

* Впервые в истории русского законодательства термин «мародерство» (от фр. *marauder* — «грабить»), известный со времен Тридцатилетней войны (1618—1648), появился во времена императора Петра I в

последнему имуществу, с употреблением угрозы военным оружием и под предлогом необходимости сего отобрания для военных целей, а также снятие с корыстной целью с убитых и раненых находящихся у них вещей», что каралось высшей мерой наказания и конфискацией. Это преступление могло перерасти из воинского в запрещенное международными договорами военное преступление при особых признаках (ст. 47 «Положения о законах и обычаях сухопутной войны» 1907 г.). Однако в 1927 г. после внесения поправок на основе общесоюзного «Положения о воинских преступлениях», понятие «мародерства» было сужено за счет переноса из его основного состава таких действий, как разбой, грабеж и противозаконное уничтожение имущества, в отдельную статью об ответственности за насилие над населением в районе военных действий (ст. 28 или ст. 193 УК РСФСР 1926 г.) (Shkaev & Sporsheva, 2012:77).

С 1925 года рассматриваемая глава республиканского УК была по сути заменена «Положением о воинских преступлениях» от 31 октября 1924 г., установившим нормы военно-уголовного законодательства на всей территории СССР, которое с некоторыми изменениями воспроизводило весь перечень воинских преступлений и дополняло его новыми составами (например, утрата военного имущества). Так, система преступлений с международно-правовым элементом дополнилась таким, как *противозаконное насилие над гражданским населением*, учиненное военнослужащим в военное время или при боевой обстановке (ст. 18 Положения 1924 г.). За первые пять лет применения главы УК о воинских преступлениях «советское военно-уголовное законодательство в результате недолгого развития пришло к воспроизведению практически полностью статей Воинского устава о наказаниях 1869 года, устанавливавших ответственность за нарушение международно-правовых норм» (Ermolovich, 2020:37).

Заключение

Проведенное сравнительно-историческое исследование феномена первой советской уголовно-правовой кодификации республиканского уровня показало, что УК РСФСР открыл собой новый этап кодификационной работы 1920—1930-х гг., задавая юридико-технические параметры законопроектной работы, отражая определенный уровень преемственности и политической доктрины кодификации. Наркомат юстиции РСФСР выступал в роли головного органа подготовки и организационного центра продвижения согласованного проекта кодекса, тестирования схемы кодекса, его научной концепции и отдельных положений в рамках профессионального сообщества — на съездах работников советской юстиции и среди работников прокуратуры и судов.

Учитывая чрезвычайную тщательность и «подлинный демократизм» кодификационной работы, обсуждение альтернативных проектов кодекса и несколько десятков поправок на различных этапах его обсуждения, был приобретен

его «Воинском уставе» 1715 г., а затем уже в ст. 275 «Воинского устава о наказаниях» от 5 мая 1868 г. под названием «Захват у жителей областей, армией занимаемых, припасов, одежды и других вещей, равно всякий неопределенный законом побор с обывателей (мародерство)». (Trikoz, 2007: 123—124).

уникальный опыт разработки и принятия республиканского Уголовного кодекса, который «к сожалению, затем ни разу не повторился» (Kuznetsova, 1991:25).

Кодекс закрепил итоги кропотливой работы ученых-криминологов и практиков, которым удалось сочетать в законопроектной работе традиции нескольких уголовно-правовых школ и нормотворческие инновации социалистического правопорядка; на кодекс оказали влияние социологическая и антропологическая теории и политическая целесообразность репрессии в отношении классовых врагов (Suleimanov, 2007:23—25). УК РСФСР также впитал традиционный для российской цивилизации «запретительный тип правового регулирования», попытавшись создать на месте прежнего фасада «буржуазного» уголовного права социалистическое нормативно-идеократическое право, способное обеспечивать принудительной силой переходную уголовную политику с его нормами об обратной силе закона, аналогии уголовного закона, о социально опасных лицах и др. (Skorobogatov & Rybushkin, 2018:166). При этом в кодексе можно заметить отдельные гуманизированные положения, как, например, расширение перечня исключаящих ответственность обстоятельств, запрет замены назначенного штрафа на лишение свободы, снижение наказаний для несовершеннолетних и др.

С одной стороны, УК РСФСР отличало хорошее качество юридической техники и достаточно высокий уровень формулировок и ключевых понятий, включая его нормы о формах вины, стадиях преступления, о целях и системе наказаний, дефиниции по отдельным составам преступлений, часть из которых будет рецепирована в последующих уголовных законах. Но в то же время кодекс был политическим документом, созданным в определенное историческое время-пространство, и впитавшим в себя основные приоритеты защиты, цели-ожидания и противоречия в уголовной политике (Yashchuk, 2021:232—233).

Общая систематика Уголовного кодекса 1922 г. и классификация преступлений в его Особенной части не были строго и четко проведены с самого начала; поэтому и заголовки некоторых отделений в суботраслевых главах кодекса сформулированы не столь категорично, охватывая смежные составы (например, «преступления в области половых отношений»), как бы подталкивая на применение аналогии закона и дискреционного толкования. Другим техническим недостатком стал междисциплинарный характер некоторых положений, включавших положения гражданского права и административной подведомственности (например, наличие в УК нормы об административной высылке, главы с деяниями, за которые предусмотрена административная ответственность, применение мер принуждения во внесудебном порядке).

По справедливому замечанию П.В. Крашенинникова, УК РСФСР был написан «языком тяжелым, малопонятным для широких масс, принося в жертву точности юридических формулировки соображения доступности Кодекса» (Krashennnikov, 2018:82). Указанные недостатки и его юридико-техническое несовершенство, а также принятие общесоюзных «Основных начал уголовного законодательства» 1924 г. вызвали потребность концептуальной и единовременной переработки УК 1922 г., который в итоге оказался единственным советским кодексом, который был переиздан в новой редакции 1926 г.

В 1930—1960-е гг. начался следующий этап в эволюции советской доктрины кодификации и ее юридико-технического направления в виде разработки легистики кодекса (так называемая уголовно-правовая «кодистика») (Trikoz, 2010:109—126). В связи с тем, что было довольно непоследовательное употребление заголовков в актах республиканской и союзной кодификации («уложение», «свод», «руководящие начала», «основы законодательства», «основные начала» и собственно «кодекс»), стала обсуждаться проблема должной унификации терминологии для сводных актов¹³; предлагалось также выработать систему общих правил выбора форм и наименований кодификационных актов союзного и республиканского законодательства (устав, положение, правила) (Kerimov, 1957:9—10).

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. стал для других республик СССР своеобразным эталоном, определяя основные направления развития отечественного уголовного законодательства. Он заложил не только концептуальные основы, имея в виду фундаментальные уголовно-политические принципы гуманизма, формальной определенности, экономии репрессии, строгости наказания за особо опасные преступления. Но он также выработал уголовно-правовые положения и жизнеспособные институты, актуальные и для современного российского законодательства: координационные нормы действия закона, понятие и формы вины, понятие невменяемости, необходимой обороны, крайней необходимости, разграничение ответственности соучастников, понятие судимости, правила назначения наказания и др. Некоторые из мер социальной защиты в УК РСФСР 1922 г. можно считать прототипом современных норм Главы 15 действующего УК РФ 1996 г. «Принудительные меры медицинского характера». В 2019 г. российский УК был дополнен нормой, установившей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210-1), что возродило дискуссию о формальной определенности уголовно-правового запрета и концепцию «опасного состояния» личности, отличного от категории рецидивиста (Brilliantov & Shcherbakov, 2020:90—99).

References / Список литературы

- Abdurakhmanova, I.V. (2008) Reflection of “revolutionary legality” in the mass legal consciousness of 1917—1921. *Philosophy of law*. (3), 20—25. (in Russian).
Абдурахманова И.В. Рефлексия «революционной законности» в массовом правосознании 1917—1921 гг. // *Философия права*. 2008. № 3. С. 20—25.
- Alekseev, S.S. (1999) *Law: ABC — Theory — Philosophy: An Experience of Comprehensive Research*. Moscow, Statut Publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
- Bagriy-Shakhmatov, L.V. (1969) The system of criminal penalties and corrective labor law. Moscow, VSh MVD SSSR Publ. (in Russian).
Багрий-Шахматов Л.В. Система уголовных наказаний и исправительно-трудовое право. М.: Изд-во ВШ МВД СССР, 1969. 77 с.
- Berman, Ya. (1919) On the issue of the Criminal Code of the socialist state. *Proletarian revolution and law*. (2—4), 35—52. (in Russian).

¹³ Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. М., 1962. 315 с.

- Берман Я. К вопросу об Уголовном кодексе социалистического государства // Пролетарская революция и право. 1919. № 2—4. С. 35—52.
- Borisova, T.Yu. (2011) Revolutionary legislation in 1917—1918: the choice of language. *New Literary Review*. 2 (108), 100—115. (in Russian).
- Борисова Т.Ю. Революционное законодательство в 1917—1918 гг.: выбор языка // Новое литературное обозрение. 2011. № 2 (108). С. 100—115.
- Brilliantov, A.V. & Shcherbakov, A.D. (2020) The theory of a dangerous state of personality: a step forward or two steps back? *State and Law*. (10), 90—99. <https://doi.org/10.31857/S102694520012235-9> (in Russian).
- Бриллиантов А.В., Щербakov А.Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2020. № 10. С. 90-99. <https://doi.org/10.31857/S102694520012235-9>
- Carr, E.H. (1964) *Socialism in One Country 1924—1926: a History of Soviet Russia*. London, MacMillan & Co. Ltd.
- Cheltsov-Bebutov, M.A. (1924) Socialist legal consciousness and criminal law of the revolution. Kharkov, Legal publishing house NKYu USSR. (in Russian).
- Чельцов-Бebutov М.А. Социалистическое правосознание и уголовное право революции. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1924. 92 с.
- Cherdakov, O.I. (2002) *Formation of the law enforcement system of the Soviet state, 1917—1936 (historical and legal research)*: Dis. ... Dr. legal of sciences. Saratov. (in Russian).
- Чердаков О.И. Формирование правоохранительной системы Советского государства, 1917—1936 гг. (историко-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2002. 471 с.
- Danilchenko, V.V. (2017) Prerequisites for the codification of Soviet law during the NEP period. In: *Scientific transformations in the era of globalization: collection of articles of the international scientific-practical conference: in 4 parts*. Ufa, 1st May 2017. Aeterna Publ. pp. 182—186. (in Russian).
- Данильченко В.В. Предпосылки кодификации советского права в период НЭПа // Научные преобразования в эпоху глобализации: сборник статей международной научно-практической конференции: в 4 ч. Уфа, 1 мая 2017 года. Уфа: Аэтерна, 2017. С. 182—186.
- Durmanov, N.D. (1938) *Crimes constituting the remnants of tribal life*. Moscow, Yuridicheskoe Publ. (in Russian).
- Дурманов Н.Д. Преступления, составляющие пережитки родового быта. М.: Юрид. изд-во, 1938. 72 с.
- Erkanov, I.I. (1969) *Close and dear ...* Kuibyshev, Knizhnoe Publ. (in Russian).
- Ерканов И.И. Близкое и дорогое... Куйбышев, Кн. изд-во, 1969. 208 с.
- Ermolovich, Ya.N. (2020) Development of military criminal legislation in Russia in the interwar period (1922—1941). *Military History Journal*. (1), 37—40. (in Russian).
- Ермолович Я.Н. Развитие военно-уголовного законодательства в России в межвоенный период (1922—1941 гг.) // Военно-исторический журнал. 2020. № 1. С. 37—40.
- Estrin, A. (1922) Criminal Code and “Guiding Principles on Criminal Law RSFSR”. *Soviet Justice Weekly*. 23 (June 23), 2—3. (in Russian).
- Эстрин А. Уголовный Кодекс и «Руководящие Начала по уголовному праву РСФСР» // Ежедельник советской юстиции. 1922. № 23 (23 июня). С. 2—3.
- Estrin, A. (1927) To the question of the reasons for building a system of criminal repression in the proletarian state. *Revolution of Law*. (1), 74—98. (in Russian).
- Эстрин А. К вопросу о причинах построения системы уголовной репрессии в пролетарском государстве // Революция права. 1927. № 1. С. 74—98.
- Estrin, A. (1928) *Official crimes*. Moscow, Legal publishing house NKYu RSFSR. (in Russian).
- Эстрин А. Должностные преступления. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1928. 108 с.
- Garofalo, R. (1880) *Di un criterio positivo della penalità*. Napoli, Leonardo Vallardi Publ.

- Gernet, M.N. (1914) *Crime and the fight against it in connection with the evolution of society*. Moscow, Mir Publ. (in Russian).
Гернет М.Н. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М.: Мир, 1914. 459 с.
- Gernet, M.N. (1922) The system of punitive measures in the Criminal Code of the RSFSR. *Pravo i Zhizn*. 1922. (1), 69—72. (in Russian).
Гернет М.Н. Система карательных мер в Уголовном кодексе РСФСР // Право и жизнь. 1922. № 1. С. 69—72.
- Gertsenzon, A.A. (1938) Guiding Principles on Criminal Law of the RSFSR and Their Historical Significance. *Problems of Socialist Law*. (3), 8—12. (in Russian).
Герцензон А.А. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР и их историческое значение // Проблемы социалистического права. 1938. № 3. С. 8—12.
- Gertsenzon, A.A., Gringauz, Sh.S., Durmanov, N.D. & Isaev, M.M., et al. (1948) *History of Soviet criminal law*. Moscow Legal. Publishing House of the MYu SSSR. (in Russian).
Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д. Исаев М.М., и др. История советского уголовного права. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 466 с.
- Gracheva, Yu.V., Malikov, S.V. & Chuchayev, A.I. (2015) *Soviet criminal code: (Scientific commentary, text, comparative tables)*. Moscow. (in Russian).
Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И. Советское уголовное уложение: (Научный комментарий, текст, сравнительные таблицы). М., 2015. 240 с.
- Hazard, J.N. (1948) Drafting New Soviet Codes of Law. *American Slavic and East European Review*. 7 (1), 32—44. <https://doi.org/10.2307/2492117>
- Isaev, M.M. (1922) Criminal Code June 1, 1922. *Soviet Law*. (2), 17—28. (in Russian).
Исаев М.М. Уголовный кодекс 1 июня 1922 г. // Советское право. 1922. № 2. С. 17—28.
- Isaev, M.M. (1924) Criminal Law Trends in Transition. *Pravo i Zhizn*. (1), 25—36. (in Russian).
Исаев М.М. Уголовно-правовые тенденции переходного времени // Право и жизнь. 1924. № 1. С. 25—36.
- Isaev, M.M. (1925a) The general part of the criminal law of the RSFSR. Leningrad, Gosudarstvennoe Publ. (in Russian).
Исаев М.М. Общая часть уголовного права РСФСР. Л.: Гос. изд-во, 1925. 199 с.
- Isaev, M.M. (1925b) The concept of social danger in the main principles of the criminal legislation of the union and union republics. *Soviet Law*. (4), 55—61. (in Russian).
Исаев М.М. Понятие социальной опасности в основных началах уголовного законодательства союза и союзных республик // Советское право. 1925. № 4. С. 55—61.
- Isaev, M.M. (1927) *The main principles of the criminal legislation of the USSR and the Union republics*. Leningrad, Gosudarstvennoe Publ. (in Russian).
Исаев М.М. Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик. Л.: Гос. изд-во, 1927. 187 с.
- Kerimov, D.A. (1955) *Legislative activity of the Soviet state*. Moscow, Gosyurizdat Publ. (in Russian).
Керимов Д.А. Законодательная деятельность Советского государства. М.: Госюриздат, 1955. 134 с.
- Kerimov, D.A. (1957) The concept and forms of codification. *Issues of codification of Soviet law*. (1), 9—10. (in Russian).
Керимов Д.А. Понятие и формы кодификации // Вопросы кодификации советского права. 1957. Вып. I. С. 9—10.
- Kozachenko, I.Ya. (2019) Historical experience of criminalization: on the occasion of the 100th anniversary of the Guiding Principles on Criminal Law of the RSFSR. *Russian law: education, practice, science*. (2), 3—34. (in Russian).
Козаченко И.Я. Исторический опыт криминализации: к 100-летию Руководящих начал по уголовному праву РСФСР // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 2. С. 3—34.

- Kozlovsky, M.Yu. (1918) Proletarian revolution and criminal law. *Proletarian revolution and law*. (1), 21—28. (in Russian).
Козловский М.Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 21—28.
- Krakovsky, K.P. (2020) Criminal liability of Soviet civil servants for malfeasance (1920s). *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. (5), 158—159. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2020-15-5-krakovsky> (in Russian).
Краковский К.П. Уголовная ответственность советских государственных служащих за должностные преступления (1920-е гг.) // Труды Института государства и права РАН. 2020. № 5. С. 158—159. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2020-15-5-krakovsky>
- Krasheninnikov, P.V. (2018) *Passion for Law: Essays on the Law of War Communism and Soviet Law. 1917—1938*. Moscow, Statut Publ. (in Russian).
Крашенинников П.В. Страсти по праву: Очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917—1938. М.: Статут, 2018. 330 с.
- Kuznetsova, N.F. (1991) Issues of the history of Soviet criminal law (General part). *Bulletin of Moscow University. Episode 11, Law*. (4), 25—30. (in Russian).
Кузнецова Н.Ф. Вопросы истории советского уголовного законодательства (Общая часть) // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 1991. № 4. С. 25—30.
- Kuznetsova, N.F. & Tyazhkova, I.M. (eds.). (2002) *The course of criminal law: In 5 vols. Vol. 1. General part: The doctrine of crime*. Moscow, Zertsalo-M Publ. (in Russian).
Курс уголовного права: в 5 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Т. 1: Общая часть: Учение о преступлении. М.: Зерцало-М, 2002. 611 с.
- Kursky, D.I. (1919) New criminal law. *Proletarian revolution and law*. (2—4), 23—39. (in Russian).
Курский Д.И. Новое уголовное право // Пролетарская революция и право. 1919. № 2—4. С. 23—39.
- Kursky, D.I. (1922) Immediate tasks of the People's Commissariat of Justice. *Weekly Soviet Justice*. (1), 3. (in Russian).
Курский Д.И. Ближайшие задачи Народного Комиссариата Юстиции // Еженедельник Советской Юстиции. 1922. № 1. С. 3.
- Lenin, V.I. (1970a) *Lenin Collected Works*. Т. 50. Moscow, Politizdat Publ. (in Russian).
Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 50. М.: Политиздат, 1970. 623 с.
- Lenin, V.I. (1970b) Additions to the draft Introductory Law to the Criminal Code of the RSFSR. *Lenin Collected Works*. Т. 45. Moscow, Politizdat Publ. (in Russian).
Ленин В.И. Дополнения к проекту Вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР // Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. 623 с.
- Leonov, S.V. (2004) State Security of the Soviet Republic during the October Revolution and the Civil War (1917—1922). *State Security of Russia: History and Modernity*. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ. (in Russian).
Леонов С.В. Государственная безопасность Советской Республики в пору Октябрьской революции и Гражданской войны (1917—1922 гг.) // Государственная безопасность России: история и современность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 424 с.
- Lysenkov, S.G. (2016) Norms and principles of Soviet criminal law during the period of the New Economic Policy and the construction of the foundations of socialism in the USSR. *Legal Studies*. (7), 29—36. (in Russian).
Лысенков С.Г. Нормы и принципы советского уголовного права в период НЭПа и строительства в СССР основ социализма // Юридические исследования. 2016. № 7. С. 29—36.
- Lyublinsky, P.I. (1915) To the question of the Russian science of criminal law and foreign influences. *Pravo. Weekly legal newspaper*. (47), 2999—3008. (in Russian).

- Люблинский П.И. К вопросу о русской науке уголовного права и чужеземных влияниях // *Право*. Еженедельная юридическая газета. 1915. № 47. С. 2999—3008.
- Melyukhanova, E.E. (2016) Development of the system of criminal penalties in the Soviet period. *Genesis: historical research*. (4), 73—88. (in Russian).
- Мелюханова Е.Е. Развитие системы уголовных наказаний в советский период // *Genesis: исторические исследования*. 2016. № 4. С. 73—88.
- Nabokov, V.D. (1910) *On the “dangerous state” of the criminal as a criterion for social protection measures*. Saint Petersburg, tip. t-va “Obshchestv. Pol’za” Publ. (in Russian).
- Набоков В.Д. Об «опасном состоянии» преступника как критерии мер социальной защиты. СПб.: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1910. 38 с.
- Nemirovsky, E.Ya. (1916) Measures of social protection and punishment in connection with the essence of guilt. *Journal of the Ministry of Justice*. (2) February. Petrograd, Senatskaya tipografiya Publ. (in Russian).
- Немировский Э.Я. Меры социальной защиты и наказание в связи с сущностью вины // *Журнал Министерства юстиции*. № 2. Февраль. Петроград: Сенатская типография. 1916. 344 с.
- Nemirovsky, E.Ya. (1924) Dangerous state of personality and repression. *Pravo i Zhizn*. (1), 3—13. (in Russian).
- Немировский Э.Я. Опасное состояние личности и репрессия // *Право и жизнь*. 1924. № 1. С. 3—13.
- Nemirovsky, E.Ya. (1904) The question of habitual and professional criminals in the science of criminal law and in our new criminal code. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii*. (8), 73—136. (in Russian).
- Немировский Э.Я. Вопрос о привычных и профессиональных преступниках в науке уголовного права и в нашем новом уголовном уложении // *Журнал Министерства Юстиции*. 1904. № 8. С. 73—136.
- Nikulin, V.V. (2021) *From revolutionary expediency to revolutionary legality. The essence and specifics of the evolution of Soviet law in the 1920s*. Moscow. (in Russian).
- Никулин В.В. От революционной целесообразности к революционной законности. Сущность и специфика эволюции советского права в 1920-е годы. М., 2021.
- Noy, I.S. (1973) *Essence and functions of criminal punishment in the Soviet state: Political and legal research*. Saratov, Saratov University. (in Russian).
- Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве: Политико-юридическое исследование. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1973. 193 с.
- Okuneva, M.O. (2016) Influence of the sociological school on the codification of Soviet criminal legislation in the period from 1917 to 1922. *Moscow University Bulletin. Episode 11. Law*. (4), 120—125. (in Russian).
- Окунева М.О. Влияние социологической школы на кодификацию советского уголовного законодательства в период с 1917 по 1922 г. // *Вестник Московского университета*. Серия 11. Право. 2016. № 4. С. 120—125.
- Ordynsky, S.P. (1912) To the methodology of the dangerous state of the criminal. *Journal of criminal law and process, published by the Russian Group of the International Union of Criminalists*. St. Petersburg. (3), 45—69. (in Russian).
- Ордынский С.П. К методологии опасного состояния преступника // *Журнал уголовного права и процесса, издаваемый при Русской Группе Международного Союза Криминалистов*. СПб., 1912. № 3. С. 45—69.
- Ordynsky, S.P. (1924) Crimes against the order of government: (Text and comments to Articles 74—104 of the Criminal Code of 1922). Moscow. (in Russian).
- Ордынский С.П. Преступления против порядка управления: (Текст и комментарий к ст.ст. 74—104 Уголовного кодекса 1922 г.). М.: Право и жизнь, 1924. 40 с.
- Polyansky, N.N. (1922) Criminal Code R.S.F.S.R. and the German draft of the Criminal Code (parallels). *Pravo i Zhizn*. (2), 63—72. (in Russian).

- Полянский Н.Н. Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. и германский проект Уголовного уложения (параллели) // Право и жизнь. 1922. № 2. С. 63—72.
- Piontkovsky, A. (1923) Measures of social protection and the Criminal Code of the R.S.F.S.R. *Soviet law*. (3), 12—52. (in Russian).
- Пионтковский А. Меры социальной защиты и Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. // Советское право. 1923. № 3. С. 12—52.
- Rakhmanina, T.N. (2005) *Codification of Legislative*. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow, Yurist Publ. (in Russian).
- Рахманина Т.Н. Кодификация законодательства. Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юристъ, 2005. 141 с.
- Reisner, M.A. (1925) *Law. Our law. Someone else's law. Common law*. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe Publ. (in Russian).
- Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М.; Л.: Государственное изд-во, 1925. 276 с.
- Rybakov, V.A. (2017) Revolutionary Legality: Theoretical Aspect. *Law and State: Theory and Practice*. 12 (156), 59—62. (in Russian).
- Рыбаков В.А. Революционная законность: теоретический аспект // Право и государство: теория и практика. 2017. № 12(156). С. 59—62.
- Safronova, E.V. & Loba, V.E. (2014) “Dangerous state of personality” as a criminological category. *Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law*. (3), 10—17. (in Russian).
- Сафронова Е.В., Лоба В.Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 10—17.
- Shargorodsky, M.D. (1958) *Punishment according to Soviet criminal law*. Moscow, Gosyurizdat Publ. (in Russian).
- Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1958. 238 с.
- Shvekov, G.V. (1970) *The first Soviet criminal code*. Moscow, Higher. School Publ. (in Russian).
- Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс. М.: Высш. школа, 1970. 207 с.
- Shishov, O.F. (1980) Guiding principles on the criminal law of the RSFSR in 1919 — a monument to Soviet criminal law thought. *Jurisprudence*. (3), 87—88.
- Шишов О.Ф. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года — памятник советской уголовно-правовой мысли // Правоведение. 1980. № 3. С. 87—88.
- Shkaev, S.V. & Sporsheva, O.A. (2012) The history of the emergence and development of the concept of “Looting” and responsibility for its commission. *Legal Science*. (3), 75—78. (in Russian).
- Шкаев С.В., Споршева О.А. История возникновения и развития понятия «Мародерство» и ответственности за его совершение // Юридическая наука. 2012. № 3. С. 75—78.
- Shchelkogonova, E.V. (2016) Soviet Criminal Code and the Criminal Code of the Russian Federation: Comparative Legal Analysis. *Russian Journal of Law*. 3. P. 127—135. (in Russian).
- Щелкогонова Е.В. Советское уголовное уложение и Уголовный кодекс РФ: сравнительно-правовой анализ // Российский юридический журнал. 2016. № 3. С. 127—135.
- Skorobogatov, A.V. & Rybushkin, N.N. (2018) Formation of the system of criminal law prohibitions in the Soviet legal discourse. *Lex Russica*. 10 (143), 166—172. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.143.10.166-172> (in Russian).
- Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н. Становление системы уголовно-правовых запретов в советском юридическом дискурсе // Lex Russica. 2018. № 10 (143). С. 166—172. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.143.10.166-172>
- Solomon, P.H. (1980) Soviet Penal Policy, 1917—1934: A Reinterpretation. *Slavic Review*. 39 (2), 195—217. <https://doi.org/10.2307/2496785>

- Solomon, P.H. (1981) Criminalization and Decriminalization in Soviet Criminal Policy, 1917—1941. *Law & Society Review*. 16 (1), 9—43.
- Stankevich, V.B. (1914) The fight against a dangerous state as the main task of the new criminal law. *New ideas in jurisprudence*. In: Petrazhitzky L.I. (ed.). Т. 1: Purposes of punishment. Comp. P.I. Lublin. Saint Petersburg. (in Russian).
Станкевич В.Б. Борьба с опасным состоянием как основная задача нового уголовного права // Новые идеи в правоведении / под ред. Л.И. Петражицкого. Сб. 1: Цели наказания / сост. П.И. Люблинский. СПб., 1914.
- Stuchka, P. (1923) Revolutionary-Marxist understanding of law. *Weekly Soviet Justice*. (2), 38—39. (in Russian).
Стучка П. Революционно-марксистское понимание права // Еженедельник советской юстиции. 1923. №2. С. 38-39.
- Stuchka, P.I. (1931) *13 years of struggle for the revolutionary Marxist theory of law*. Moscow, Gosugarstvennoe yurid. Publ. (in Russian).
Стучка П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. Государственное юрид. изд-во, 1931. 333 с.
- Suleimanov, A.A. (2007) *Criminal Code of the RSFSR 1922. Conceptual foundations and general characteristics*: Dis. ... cand. legal sciences. Moscow. (in Russian).
Сулейманов А.А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. Концептуальные основы и общая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
- Tokareva, S.N. (2019) Codification of criminal law in the first years of Soviet power: from continuity to independence. *Lex Russica (Russian law)*. (10), 154—160. (in Russian).
Токарева С.Н. Кодификация уголовного права в первые годы советской власти: от преемственности к самостоятельности // *Lex Russica (Русский закон)*. 2019. Т. 10. С. 154—160.
- Trainin, A.N. (1914) The dispute between the classical and sociological schools about the goals of punishment. In: Petrazhitzky L.I. (ed.). *New ideas in jurisprudence*. Т. 1. Purposes of punishment. Saint Petersburg. pp. 50—77. (in Russian).
Трайнин А.Н. Спор классической и социологической школ о целях наказания // Новые идеи в правоведении / под ред. Л.И. Петражицкого. Сб. 1. Цели наказания. СПб., 1914. С. 50—77.
- Trainin, A. (1927) Ten years of Soviet criminal law (Results and prospects). *Pravo i Zhizn*. (8), 36—46. (in Russian).
Трайнин А. Десять лет советского уголовного законодательства (Итоги и перспективы) // *Право и жизнь*. 1927. № 8. С. 36—46.
- Trikoz, E.N. (2007) Historical foundations of international military criminal law. *Law in the Armed Forces. Military legal review*. (6), 123—124. (in Russian).
Триkoz Е.Н. Исторические основы международного военно-уголовного права // *Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение*. 2007. № 6. С. 123—124.
- Trikoz, E.N. (2010) “Codistics” (the doctrine of the technique of codification) in international law. *Jurisprudence*. 4 (291), 109—126. (in Russian).
Триkoz Е.Н. «Кодистика» (учение о технике кодификации) в международном праве // *Правоведение*. 2010. № 4 (291). С. 109—126.
- Uporov, I.V. (2016) Legislative regulation of the institution of criminal punishment in the codified acts of Soviet Russia in the period up to the mid-1920s. *Socio-economic research, humanities and jurisprudence: theory and practice*. (10), 71—78. (in Russian).
Упоров И.В. Законодательное регулирование института уголовного наказания в кодифицированных актах советской России в период до середины 1920-х гг. // *Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика*. 2016. № 10. С. 71—78.
- Ushakov, A.A. (1967) *Essays on Soviet legislative style*. Perm, Perm Order of the Red Banner of Labor of the Gorky State University. (in Russian).

- Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь: Перм. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. А. М. Горького, 1967. 205 с.
- Yashchuk, T.F. (2021) *Systematization of Russian Legislation in the Soviet Period*. Omsk: Publishing House of the Omsk State University. (in Russian).
- Ящук Т.Ф. Систематизация российского законодательства в советский период: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2021. 414 с.
- Zhizhilenko, A.A. (1911) *Measures of social protection in relation to dangerous criminals*: Report presented to the 8th Congress of the Russian Group of the International Union of Criminalists. Saint Petersburg, A.G. Rosen printing house. (in Russian).
- Жижиленко А.А. Меры социальной защиты в отношении опасных преступников: Доклад, представленный 8-му съезду Русской группы Международного союза криминалистов. СПб.: тип. А.Г. Розена, 1911. 40 с.
- Zhizhilenko A.A. (1912) On the issue of social protection measures in relation to dangerous criminals. *Journal of Criminal Law and Process*. (3), 35—44. (in Russian).
- Жижиленко А.А. К вопросу о мерах социальной защиты в отношении опасных преступников // Журнал уголовного права и процесса. 1912. № 3. С. 35—44.
- Zhizhilenko, A.A. (1923) *Essays on the general doctrine of punishment*. Petrograd, Academia Publ. (in Russian).
- Жижиленко А.А. Очерки по общему учению о наказании. Пг.: Academia, 1923. 108 с.
- Zhizhilenko, A.A. (1924) *War crimes*. Moscow, Pravo i Zhizn' Publ. (in Russian).
- Жижиленко А.А. Военские преступления. М.: Право и жизнь, 1924. 54 с.
- Zhizhilenko, A.A. (1925) On the border between criminal and disciplinary untruth according to the Criminal Code of 1922. *Pravo i Zhizn'*. (1), 61—72. (in Russian).
- Жижиленко А.А. О границе между уголовной и дисциплинарной неправдой по Уголовному Кодексу 1922 г. // Право и Жизнь. 1925. № 1. С. 61—72.

Сведения об авторе:

Трикоз Елена Николаевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения, Международно-правовой факультет, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; Российская Федерация, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76; доцент кафедры публичной политики и истории государства и права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0001-7331-480X; ResearcherID (WoS): A-7996-2018

e-mail: alena_trikoz@mail.ru

About the author:

Elena N. Trikoz — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of International Law, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; 76 Vernadsky Prospekt, Moscow, 119454, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Public Policy and history of State and Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-7331-480X; ResearcherID (WoS): A-7996-2018

e-mail: alena_trikoz@mail.ru